

ИИИ 1989 № 3.

В. П. С М И Р Н О В

О ХАРАКТЕРЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В советской литературе высказывались все, теоретически возможные, точки зрения о характере второй мировой войны. Сначала ее называли империалистической, затем антифашистской и освободительной. наконец, войной, превратившейся из империалистической в антифашистскую и освободительную. Каждая из этих оценок имела директивный характер и не сопровождалась открытой дискуссией.

Поэтому можно только приветствовать инициативу журнала "Новая и новейшая история", начавшего статьями М.И. Семиряги и С.А. Тюшкевича¹ научную дискуссию о характере второй мировой войны.

* * *

Как возникли советские оценки второй мировой войны?

Еще в конце 30-х годов, после того как агрессия Германии, Италии и Японии привела к образованию очагов войны в Африке, в Европе и на Дальнем Востоке, руководители Советского Союза во главе с И.В. Сталиным пришли к выводу, что "вторая империалистическая война на деле уже началась"². Впервые этот вывод был сформулирован в сентябре 1938 г. в "Кратком курсе" истории ВКП(б), который тогда являлся важнейшим руководящим документом для всего коммунистического движения. В "Кратком курсе" говорилось, что вторую империалистическую войну начали "три агрессивных государства, — фашистские правящие круги Германии, Италии, Японии", а ведется она "в конечном счете против капиталистических интересов Англии, Франции, США, так как имеет своей целью передел мира и сфер влияния в пользу агрессивных стран и за счет этих так называемых демократических государств". "Краткий курс" осуждал фашистскую агрессию, а "так называемые демократические государства", не участвовавшие в войне, обвинял в том, что они "ограничиваются политикой уговаривания зарвавшихся фашистских заправил" и склоняются к сговору с ними против СССР³.

В марте 1939 г., вскоре после печально известной Мюнхенской конференции, где Англия и Франция выдали фашистской Германии своего союзника — Чехословакию, состоялся XVIII съезд ВКП(б). В Отчетном докладе, сделанном И.В. Сталиным, подчеркивалось, что "уже второй год идет новая империалистическая война", которая "не стала еще всеобщей мировой войной". Он повторил, что "войну ведут государства-агрессоры", а "неагрессивные демократические государства" — Англия, Франция, США — "пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой"⁴. Главную причину уступчивости неагрессивных государств Сталин видел в проводимой ими политике "невмешательства", а на деле — попустительст-

¹ Семиряга М.И. К вопросу о политическом характере второй мировой войны; Тюшкевич С.А. Об оценке характера второй мировой войны. — Новая и новейшая история, 1988, № 4.

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938, с. 318.

³ Там же.

⁴ Сталин И.В. Вопросы ленинизма, 11-е изд. М., 1952. с. 603. 609.

ва агрессорам с целью направить агрессию Германии и Японии против СССР⁵. Сталин заявил, что СССР стоит "за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины", и в то же время выступает "за мир и укрепление деловых связей со всеми странами". Мысль о готовности СССР укреплять деловые связи со всеми странами он повторил дважды, как выяснилось впоследствии, далеко не случайно, добавив, что необходимо "соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками"⁶.

После XVIII съезда ВКП(б) Советский Союз начал переговоры о заключении пакта о взаимной помощи с Англией и Францией и почти одновременно вступил в конфиденциальные переговоры с Германией, которые привели к заключению советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. Подписание этого договора и последующих советско-германских соглашений существенно изменило прежние оценки. 31 августа 1939 г., за день до нападения фашистской Германии на Польшу, Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов выступил на внеочередной сессии Верховного Совета с докладом о ратификации советско-германского договора о ненападении. Он отметил, что еще на XVIII съезде партии Сталин, высказываясь за укрепление деловых связей "со всеми странами"⁷, по существу, "поставил вопрос о возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР. Теперь видно, — добавил Молотов, — что в Германии в общем правильно поняли эти заявления г. Сталина и сделали из этого практические выводы". Молотов выразил уверенность, что "договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы", ибо "мы перестали быть врагами". В этой связи Молотов критиковал "некоторых близоруких людей", увлекавшихся "упрощенной антифашистской пропагандой" и забывавших о "провокационной работе наших врагов", которые хотели бы столкнуть Германию с СССР. Считая, что "матерые империалисты" и особенно "некоторые лидеры социалистических партий Франции и Англии" "засуетились" и "лезут из кожи", требуя, "чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии", Молотов спросил: "Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны?" Таким образом, термин "поджигатели войны", который ранее всегда употреблялся по отношению к фашистским агрессорам, теперь был применен к правящим кругам Англии и Франции и лидерам социалистических партий. По существу, это был сигнал к свертыванию антифашистской пропаганды. На следующий день — 1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Англия и Франция, связанные с Польшей договорами о взаимной помощи, объявили войну Германии, и началась вторая мировая война.

В первые дни сентября советская печать не комментировала нападение Германии на Польшу и не оценивала характер войны. 1 сентября газеты напечатали доклад Молотова о ратификации советско-германского договора 23 августа 1939 г., но не сообщили о начале войны. Лишь 3 сентября "Правда", не упоминая о том, как и когда началась война, поместила на пятой странице коммюнике верховного командования германской армии о продвижении германской армии на всех фронтах под нейтральным заголовком: "Военные действия между Германией и Польшей"⁸. В последующие дни сведения о ходе военных действий также публиковались без всяких комментариев под заголовками: "Англо-германская война", "Военные действия между Германией и Польшей", "Война между Герма-

⁵ См. там же, с. 610.

⁶ Там же, с. 613–614.

⁷ См. Правда, 1.IX.1939.

⁸ Правда, 3.IX.1939.

нией и Польшей"⁹. Передовые и редакционные статьи "Правды" этих дней не касались войны. Только 9 сентября 1939 г. в статье Е. Ярославского по случаю годовщины со дня выхода в свет "Краткого курса истории ВКП(б)" появилась одна фраза, в которой между прочим кратко упоминалось, что народы всего мира ввергнуты "в тягчайшие страдания и бедствия новой империалистической войны"¹⁰.

17 сентября 1939 г. с речью по радио выступил В.М. Молотов. Он заявил, что "события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства"; что "Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР", а проживавшие в Польше украинцы и белорусы оказались брошенными на волю случая. Поэтому "Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии"¹¹.

18 сентября 1939 г. было подписано германо-советское коммюнике о задачах "советских и германских войск, действующих в Польше". Там указывалось, что "действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересам Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования"¹².

28 сентября 1939 г. Германия и СССР заключили договор "О дружбе и границе", который устанавливал границу "между обоюдными государственными интересами на территории бывшего польского государства". Одновременно было опубликовано германо-советское заявление, утверждавшее, что после распада польского государства и установления новых границ между СССР и Германией создан "прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе". Оба правительства обещали направить свои усилия для ликвидации войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой. "Если, однако, эти усилия обоих правительств останутся безуспешными, то, таким образом, будет установлен тот факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах"¹³.

Подписание договора "О дружбе и границе" между СССР и Германией 28 сентября 1939 г. было "не только политической ошибкой с тяжелыми последствиями и для нас, и для других стран, для коммунистического движения, но прямым и вызывающим отступлением от ленинизма, попранием ленинских принципов"¹⁴. Ни в договоре, ни в советско-германском заявлении не осуждалась ни фашистская агрессия, ни ликвидация польского государства, а ответственность за продолжение войны возлагалась на Англию и Францию. Новый шаг в таком же направлении был сделан Молотовым в докладе о советской внешней политике на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.¹⁵ Этот документ кратко изложен в статье М.И. Семиряги, но в связи с его особо важным идеологическим значением нужно остановиться на нем более подробно. Наиболее сенсационным было содер-

⁹ Правда, 5, 7, 8.IX.1939.

¹⁰ Правда, 9.IX.1939.

¹¹ Правда, 18.IX.1939.

¹² Правда, 19.IX.1939.

¹³ Правда, 29.IX.1939.

¹⁴ Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма. Встреча М.С. Горбачева с представителями польской интеллигенции. М., 1988, с. 75.

¹⁵ См. Правда, 1.XI.1939.

жавшееся в докладе заявление Молотова о том, что в связи с важными изменениями в международной обстановке, происшедшими "за последние несколько месяцев", такие понятия, как "агрессия", "агрессор", получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. "Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира". Молотов отрицал, что Англия и Франция ведут войну в защиту демократии, он осудил провозглашенную английским правительством цель — "уничтожение гитлеризма". Ссылаясь на то, что идеологию невозможно уничтожить силой, Молотов произнес чудовищную фразу: "Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма", прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию". По его мнению, не соблюдение договоров о взаимопомощи с Польшей и не защита демократии, а "опасения за потерю мирового господства диктуют правящим кругам Англии и Франции политику разжигания войны против Германии. Таким образом, империалистический характер этой войны очевиден для каждого, кто хочет видеть действительное положение дел". Рабочий класс не должен поддерживать войну. "Такая война не сулит рабочему классу ничего, кроме кровавых жертв и бедствий".

Единственный выступивший в прениях по докладу Молотова депутат А.А. Кузнецов сказал: "Поджигатели войны — Англия и Франция"¹⁶, и эта оценка прочно укоренилась в советской печати. В свою очередь, Сталин сделал заявление "О лживом сообщении агентства Гавас", в котором утверждал: "Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну"¹⁷.

Доклад Молотова 31 октября 1939 г. и заявление Сталина завершили пересмотр довоенных представлений об агрессорах и виновниках войны: фашистскую Германию больше не обвиняли в агрессии, "поджигателями войны" объявили Англию и Францию, война считалась империалистической с обеих сторон, рабочий класс капиталистических стран призывали бороться за мир с Германией.

Сформулированные Молотовым и Сталиным ошибочные оценки, по существу, не менялись вплоть до Великой Отечественной войны. Правда, наиболее одиозные из них не повторялись и постепенно исчезли со страниц газет и журналов, однако общее представление о второй мировой войне как империалистической с обеих сторон сохранялось.

Оно было пересмотрено лишь в результате нападения фашистской Германии на Советский Союз, когда СССР стал союзником Англии и США. В первом после начала войны выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин выразил уверенность, что Отечественная освободительная война советского народа против фашистских поработителей "согласится с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы"¹⁸. В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 г. Сталин высказался еще более определенно: "Немцы ведут теперь войну захватническую, несправедливую, рассчитанную на захват чужой территории и покорение чужих народов... В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение поработенных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании"¹⁹.

Вскоре после окончания войны Сталин еще раз повторил эту оценку и одновременно (но не упоминая об этом) пересмотрел свои и Молотова заявления об

¹⁶ Правда, 1.XI.1939.

¹⁷ Мировое хозяйство и мировая политика, 1939, № 12, с.15.

¹⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. т.1. М. 1944

империалистическом характере второй мировой войны. В широко известной речи 9 февраля 1946 г. он сказал: "Вторая мировая война против государств оси, в отличие от первой мировой войны, приняла с самого начала характер антифашистской, освободительной, одной из задач которой являлось также восстановление демократических свобод. Вступление Советского Союза в войну против государств оси могло лишь усилить – и действительно усилило – антифашистский и освободительный характер второй мировой войны"²⁰.

Эта точка зрения не менялась более десяти лет. Ее пересмотр в Советском Союзе произошел только после XX съезда КПСС, который осудил культ личности Сталина и способствовал оживлению общественной мысли. Впервые новая советская оценка характера второй мировой войны была высказана в 1957 г. в Тезисах Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС "К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции", причем без всякой аргументации, как бы мимоходом, во вводном причастном обороте: "Вторая мировая война, превратившаяся из империалистической в антифашистскую, освободительную войну, показала, что капиталистические и социалистические страны могут не только сосуществовать, но и сотрудничать даже в военной области"²¹. Затем эта точка зрения была развита в теоретическом органе ЦК КПСС – журнале "Коммунист" и принята в официальных публикациях по истории Великой Отечественной войны, второй мировой войны и истории КПСС²².

С начала 60-х годов она стала господствующей среди советских историков²³.

* * *

Сейчас очевидна ошибочность некоторых прежних оценок, продиктованных конъюнктурными политическими и тактическими соображениями. Разумеется, теперь никто из советских историков не отрицает, что фашистские государства вели захватническую, несправедливую войну, а страны, подвергшиеся фашистской агрессии, – антифашистскую, освободительную. Все согласны, что после вступления в войну Советского Союза и создания антигитлеровской коалиции война со стороны стран этой коалиции (включая Англию и США) имела освободительный, антифашистский характер²⁴. Спор идет лишь о том, как оценить характер войны со стороны Англии и Франции в период от нападения фашистской Германии на Польшу до нападения на Советский Союз.

М.И. Семиряга, возрождая советские оценки 1941–1956 гг., полагает, что война против фашистской Германии, в которую вступила Англия и Франция в сентябре 1939 г., "не могла не иметь с самого начала справедливого, освободительного характера"²⁵. С.А. Тюшкевич разделяет мнение о превращении второй мировой войны из империалистической в антифашистскую. Он пишет, что, "вступая в войну, Англия и Франция проводили реакционную империалистическую политику"; с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. шел процесс превращения войны из империалистической в антифашистскую, и только "после нападения фашистской

²⁰ Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 октября 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М., 1953, с. 12.

²¹ К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1957). Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1957, с. 53.

²² Коммунист, 1958, № 5; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945, т. 1. М., 1960, с. XIX–XXII; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 77; История второй мировой войны. 1939–1945, т. 1. М., 1973, с. XI–XIII.

пересмотр

Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. коренным образом изменился социально-политический характер войны, развязанной агрессивными силами"²⁶.

Для суждения о правильности или ошибочности той или иной точки зрения необходимо прежде всего выяснить вопрос о научных критериях характера войны. М.И. Семиряга предлагает при оценке войны "исходить прежде всего из классовых интересов трудящихся", а также из того, "какое из двух зол все же является наименьшим и в международном плане". Подчеркивая опасность фашизма и наличие буржуазно-демократических свобод в Англии и Франции, он доказывает, что сам факт вступления этих стран в войну против фашистских государств предопределял антифашистский характер войны с их стороны²⁷. Конечно, это очень простой и ясный критерий, принятие которого кладет конец дискуссии. Любое государство, воюющее против фашистских агрессоров, ведет антифашистскую войну.

С.А. Тюшкевич считает, что "социально-политический характер войны" определяется четырьмя критериями: "во-первых, оценкой источников войны, ее экономических и социально-политических причин; во-вторых, выяснением ее политического содержания, т.е. объективных отношений между классами, государствами (коалициями), реальных противоречий, приведших к войне, политических целей, которые в ней преследуются"; в-третьих, "моральной и правовой оценкой", наконец, "в-четвертых, социально-политический характер войны оценивается и с точки зрения применяемых в ней средств и способов достижения политических целей" (с. 108).

Фактически три из этих четырех критериев не связаны прямо с характером войны, хотя и касаются чрезвычайно важных вопросов. Так выяснение источников и причин войны, бесспорно, необходимо для понимания ее происхождения, но ответа на вопрос о характере войны это не дает. Известно, что возникшая в системе империализма война между капиталистическими странами может быть империалистической с обеих сторон, но может быть и освободительной, антифашистской для одной из сторон (какой была, по единодушному мнению советских ученых, война Англии и США против Германии, Италии и Японии в 1941–1945 гг.).

Моральная и правовая оценка войны имеет огромное значение при определении отношения к ней государств, классов и партий. Справедливая или несправедливая война — вот чем руководствуются люди, определяя свое отношение к ней. Тем не менее моральная и политическая оценка, это именно оценка, которая может быть (и действительно бывала) неверной. Она не является объективным показателем подлинного характера войны.

Из статьи С.А. Тюшкевича неясно, как определить характер войны "с точки зрения применяемых в ней средств и способов". Вероятно, речь идет о преступлениях против человечности, совершенных фашистскими агрессорами. В таком случае это веский аргумент в пользу признания войны со стороны фашистских государств захватнической и несправедливой. Однако возьмем другой случай. Сейчас демократическое общественное мнение осуждает применение американским правительством такого средства войны, как атомное оружие. Значит ли это, что в 1945 г. в результате атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки война со стороны США приобрела несправедливый, империалистический характер (оставаясь справедливой, антифашистской со стороны Англии)? Очевидно нет, но в таком случае ясно, что средства и методы, применяемые в войне, сами по себе не могут служить критерием ее характера.

Наиболее близкое отношение к определению войны имеет второй критерий — "политическое содержание" войны. Как и другие советские историки, С.А. Тюшкевич исходит из мысли В.И. Ленина: социальный характер войны, ее истинное

значение определяются тем, "какую политику война продолжает ("война есть продолжение политики"), какой класс в каких целях войну ведет"²⁸. Это ленинское положение следующим образом применяется ко второй мировой войне: "Политика, проводимая Англией и Францией накануне войны, носила антисоциалистический, антисоветский характер, и потому она не может рассматриваться как справедливая. Следовательно, и война, которую вынуждены были вести Англия и Франция, не могла быть справедливой". Такое логичное, но абстрактное рассуждение, по нашему мнению, не учитывает всей сложности конкретной исторической ситуации. Следуя такой аргументации, легко прийти к выводу, что война со стороны Англии оставалась империалистической и несправедливой на всем ее протяжении. В самом деле, предвоенная политика Англии "не может рассматриваться как справедливая"; войну со стороны Англии вел один и тот же класс (и даже одни и те же партии), а подлинно освободительных, справедливых целей войны, как пишет С.А. Тюшкевич, "не выдвигало и не могло выдвинуть ни одно буржуазное государство" (с. 111, 114). Получается, что все три признака, упомянутые Лениным, не менялись, а следовательно, не должен был меняться и характер войны.

Правда, С.А. Тюшкевич не делает такого исторически неверного (хотя логически безупречного) вывода, но это лишь показывает, что при определении характера войны общие рассуждения не могут заменить конкретного анализа исторической обстановки.

Изучив эту обстановку более детально, мы увидим, что в довоенной политике Англии и Франции были сильны антисоветские настроения, имелась тенденция к сговору с фашистской Германией, но одновременно существовала и тенденция борьбы против нее. В правящих классах Франции и Англии действовали разные группировки, проводившие различную политику. Правительства буржуазных государств не только "могли", но и в действительности выдвигали антифашистские цели войны. Например, задача "уничтожения гитлеризма", сформулированная английским правительством еще в 1939 г. (и публично осужденная Молотовым), вполне соответствовала антифашистскому характеру войны. Позднее, в августе 1941 г., антифашистские цели войны были провозглашены Черчиллем и Рузвельтом в Атлантической хартии, с основными принципами которой согласился, как известно, Советский Союз²⁹.

В частности, в Атлантической хартии сказано, что США и Англия "уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить", и "стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем". США и Англия заявляли, что они добиваются "окончательного уничтожения нацистской тирании" и установления мира, который "даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды". Атлантическая хартия предлагала всем государствам в будущем "отказаться от применения силы" и установить систему "всеобщей безопасности"³⁰.

Можно, конечно, доказывать, что принципы Атлантической хартии недостаточно конкретны, что США и Англия сами их нарушали, но нельзя утверждать, что ни одно буржуазное государство "не выдвигало и не могло выдвинуть" справедливых целей войны.

Рассмотрим теперь более подробно концепцию С.А. Тюшкевича, сформулированную, как правило, в очень общей форме, и сравним ее с действительностью.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 196–197.

исходным пунктом всей его аргументации служит высказанное без всяких доказательств утверждение: "Именно классовый конфликт между новым общественным строем — социализмом и империализмом стал фактором, которым определяются, говоря словами В.И. Ленина, "взаимные отношения народов, вся мировая система государств" как в мирное время, так и в период войны" (с. 109).

Если бы это было так и взаимоотношения всей мировой системы государств накануне и во время войны определял "именно классовый конфликт", то она велась бы между СССР и всем капиталистическим миром. Поскольку же война началась между капиталистическими государствами, а затем некоторые из них стали союзниками социалистического государства, приходится признать, что определяющим фактором расстановки сил во второй мировой войне был не классовый конфликт между социализмом и империализмом, а межимпериалистические противоречия.

С.А. Тюшкевич признает, что "империалисты не забывали и о разрешении своих империалистических противоречий, об ослаблении своих конкурентов", но тем не менее буквально в следующей фразе опять повторяет: "Однако классовый интерес оказался сильнее, чем их противоречия" (с. 109). Если исходить из этого, то империалистические государства объединились бы в единую антисоветскую коалицию, чего на самом деле не произошло. В статье содержится утверждение, что "в 30-х годах империализм стал еще более милитаристским, агрессивным", и хотя в капиталистическом мире "резко усилилась борьба за мировое господство между противостоящими группировками империалистических государств", в то же время "социально-классовое содержание агрессивности империализма было в своей основе антисоветским, антикоммунистическим, усилилась его антидемократическая направленность" (с. 112).

Такое рассуждение об агрессивности "империализма" вообще оставляет в тени важнейший факт международной обстановки 30-х годов, отмеченный еще VII конгрессом Коминтерна: разделение империалистических государств на агрессивные, фашистские и неагрессивные, демократические страны³¹. В Германии с приходом к власти фашизма империализм действительно стал "еще более милитаристским, агрессивным", "усилилась его антидемократическая направленность". Но подобные оценки совершенно неприменимы, например к Франции, которая в 1935 г. заключила договор о взаимной помощи с СССР и в которой в 1936 г. к власти пришло правительство Народного фронта, поддержанное коммунистами. У нас нет никаких данных, позволяющих говорить об усилении агрессивности и антидемократической направленности империализма в Англии и США. Напротив, в 30-е годы эти страны сохранили свои демократические свободы и добивались сохранения статус-кво в международных отношениях. Войну начали не они, а фашистские агрессоры.

Не соответствует действительности и высказанное без всяких доказательств утверждение о том, что "как Германия, так и Англия и Франция делали ставку на военный метод разрешения основного противоречия между капитализмом и социализмом" (с. 112). Фашистская Германия действительно готовилась к войне против СССР и других государств и, в конце концов, напала на Советский Союз, но Франция и Англия занимали иную позицию. Их военные планы кануна войны, как известно, не предусматривали нападения на СССР. Следовательно, в отличие от фашистской Германии Англия и Франция не делали ставки "на военный метод разрешения основного противоречия между капитализмом и социализмом".

Считая, что Англия и Франция, так же как Германия, "делали ставку на военный метод" борьбы против СССР, С.А. Тюшкевич в то же время высказывает и другое мнение. Он пишет, что у правительств Англии и Франции (а также и США)

³¹ См. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (Сборник документов). М., 1975, с. 382—383.

«имелась одна цель — поставить Советский Союз в невыгодные условия международной изоляции перед лицом фашистской агрессии» (с. 110). Неясно, как автор узнал об этой «одной цели» — на документы он не ссылается, а из фактов международной жизни приводит только те, которые свидетельствуют об анти-советских устремлениях англо-французских империалистов и их тенденции к потворству фашистской Германии. Другие факты, говорящие о борьбе Англии и Франции против Германии, в статье не рассматриваются. Между тем хорошо известно, что со второй половины 30-х годов (особенно после заключения советско-французского пакта о взаимопомощи) англо-французские военные планы предусматривали в первую очередь войну против Германии. 22 марта 1939 г. Англия и Франция публично обменялись нотами, содержащими взаимные обязательства об оказании помощи друг другу. Предоставив гарантии Польше, Румынии и Греции, они вступили в войну, отказавшись от немецких предложений заключить мир после разгрома Польши.

Эти факты свидетельствуют о том, что правящие круги Англии и Франции преследовали не одну, а несколько целей. Наряду с тенденцией к сговору с фашистской Германией, в Англии и Франции существовала и тенденция борьбы против нее. Англия, Франция и США отстаивали от фашистских агрессоров свои экономические, политические и стратегические интересы. Они боролись за сохранение своих позиций, за мировое господство, но вместе с тем за сохранение демократических свобод, против фашизма. Такое сочетание различных целей и тенденций, по нашему мнению, было одной из важнейших особенностей войны, которую вели Англия и Франция, а затем США.

С.А. Тюшкевич совершенно прав, указывая, что антисоветские тенденции, как и тенденции к сговору с Германией, особенно отчетливо проявились в Англии и Франции во время «странной войны» 1939–1940 гг., когда военных действий на Западном фронте фактически не велось (с. 112–113). Именно тогда генеральные штабы Англии и Франции разработали планы вмешательства в войну СССР против Финляндии и планы бомбардировки советских нефтепромыслов на Кавказе. Во Франции тогда были резко ограничены демократические свободы, запрещена Французская коммунистическая партия, коммунисты изгнаны из муниципалитетов и руководств профсоюзов. Несмотря на объявление войны, некоторые представители английских и французских правящих кругов продолжали тайные переговоры с Германией с целью прекращения войны и, возможно, даже совместной борьбы против СССР. Однако, учитывая все эти факты, не надо все же забывать, что англо-французские планы нападения на СССР не осуществились, а попытки сговора с Германией кончились провалом.

Преобладающее влияние в правящих кругах Франции (и тем более Англии) сохранили сторонники борьбы против Германии, а не сговора с ней. Во Франции после ее поражения летом 1940 г. они были отстранены от власти, но в Англии, напротив, усилили свои позиции после формирования правительства Черчилля.

Очень важной частью концепции С.А. Тюшкевича является утверждение о том, что в 1939–1941 гг. война стала постепенно превращаться в освободительную и антифашистскую. С одной стороны, «это проявлялось в непрерывном нарастании национально-освободительного, демократического и революционного движения», с другой — «эскалация агрессии создала реальную угрозу национальной самостоятельности многих стран». В конечном итоге, «решающей силой превращения войны империалистической в освободительную, справедливую явились активные действия народных масс. Ведущую роль в этом сыграл рабочий класс как наиболее последовательный выразитель интересов всех трудящихся и его авангард — коммунистические партии» (с. 113).

Сопоставим эти утверждения с фактами. Конечно, к лету 1941 г., т.е. после оккупации Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции, Греции, Югославии, после подписания в сентябре 1940 г. тройственного пакта

Германии, Италии и Японии, опасность для национальной самостоятельности многих государств возросла. В оккупированных странах стало зарождаться движение Сопротивления, хотя его масштабы были еще крайне ограниченными, а о "революционном движении" вообще нет данных.

Но могло ли все это изменить характер войны со стороны Англии — единственной страны, которая тогда продолжала воевать против гитлеровской Германии и фашистской Италии? Какие изменения произошли в "политическом содержании" войны, которая велась Англией в 1940—1941 гг. по сравнению с предыдущим периодом? Ясного ответа на эти вопросы мы не находим. Непонятно также, какие факты имеются в виду, когда говорится, что активные действия народных масс явились решающей силой превращения войны из империалистической в освободительную, причем ведущую роль в этом процессе сыграл рабочий класс во главе с коммунистическими партиями. Во всех воюющих странах народные массы действовали под руководством и строгим контролем государства. Разумеется, ни в одной из капиталистических стран рабочий класс и коммунистические партии не осуществляли руководство войной. Рабочие организации, например профсоюзы воюющих стран, могли до известной степени влиять лишь на политику Англии и США. Но в Англии основные профсоюзы и лейбористская партия поддерживали правительство, а в США та часть профсоюзов, которая находилась в оппозиции к правительству, первоначально выступала против войны. Что касается коммунистических партий Англии и США, то они были очень невелики, и их деятельность не могла определить характер войны.

Все это, по-моему, подтверждает правоту тех историков, которые считают, что война Англии и Франции, как и других государств, против фашизма с самого начала носила антифашистский и, следовательно, справедливый характер. В правящих кругах этих стран шла борьба и существовали различные тенденции — как антифашистские, освободительные, так и реакционные, империалистические. В наибольшей степени империалистические тенденции в политике Англии и Франции проявились во время "странной войны", но и тогда они не были господствующими. В дальнейшем они обнаруживались, например, в задержке создания второго фронта и во многих других действиях правящих кругов США и Англии, однако их наличие не меняло общего антифашистского характера войны со стороны участников антигитлеровской коалиции — Англии и США.